

УДК 82

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

DOI: 10.31862/1819-463X-2025-6-40-49

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ «СВЕТСКОЙ ПОВЕСТИ» Н. А. ПОЛЕВОГО В АСПЕКТЕ ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКОГО КАНОНА

Е. Г. Чернышева

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики художественного конфликта в «светских повестях» Н. А. Полевого 1830-х гг. («Блаженство безумия», «Живописец», «Эмма») в аспекте жанрово-тематического канона данной разновидности русской романтической повести. Прослеживается эволюция конфликта от мистической и психологической мотивировки к усилению социальной детерминации. Особое внимание уделяется расширению социального контекста за счет введения демократической среды, анализу трансформации повествовательной структуры (редукции фигуры романтического рассказчика и усиление роли рефлексизирующего персонажа). Доказывается, что, сохраняя канонические черты светской повести, произведения Полевого обогащаются элементами социально-психологического анализа, дескриптивных элементов сословного быта и их критической оценки, что знаменует важный этап в развитии русской прозы 1830-х гг. от романтизма к реализму.

В поэтике традиционны «судьбоцентричный» мистический репертуар мотивов и топы кукольности, золота/денег, толпы, воображения и др. В то же время глубокая проработка самосознания и рефлексии персонажей, погруженность героев в сферу духовного идеала и мотивы трагического выбора отражают общую динамику от канонов светской повести к социально-психологическим нарративам 1840-х гг.

Ключевые слова: художественный конфликт, светская повесть, жанрово-тематический канон, романтизм, Н. А. Полевой, поэтика, социальная детерминированность, рефлексизирующий герой, эволюция жанровых моделей.

Для цитирования: Чернышева Е. Г. Художественный конфликт «светской повести» Н. А. Полевого в аспекте жанрово-тематического канона // Наука и школа. 2025. № 6. С. 40–49. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-6-40-49.

© Чернышева Е. Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ARTISTIC CONFLICT OF THE SOCIETY TALES BY N. A. POLEVOY
IN THE ASPECT OF THE GENRE-THEMATIC CANON

E. G. Chernysheva

Abstract. *The article explores the specifics of the artistic conflict in N.A. Polevoy's "society tales" of the 1830s ("Blazhenstvo bezumiya" [The Bliss of Madness], "Zhivopisets" [The Painter], "Emma") within the framework of the genre-thematic canon of this variety of Russian romantic prose. It traces the evolution of the conflict from mystical and psychological motivation towards an increased emphasis on social determinism. Particular attention is paid to the expansion of the social context through the introduction of a democratic environment and to the analysis of the transformation in narrative structure (the reduction of the romantic narrator figure and the enhanced role of reflective characters). The study argues that while preserving the canonic features of the society tale, Polevoy's works are enriched with elements of socio-psychological analysis, descriptive elements of estate life, and their critical evaluation, marking an important stage in the development of Russian prose in the 1830s, transitioning from Romanticism to Realism.*

The poetics of the tales employs traditional, fate-centric mystical motifs and topoi such as puppet-like existence, gold/money, the crowd, and imagination. At the same time, the profound elaboration of the characters' self-awareness and reflection, their immersion in the realm of spiritual ideals, and the motifs of tragic choice reflect the general dynamic shift from the canons of the society tale towards the socio-psychological narratives of the 1840s.

Keywords: *artistic (literary) conflict, society tale, genre-thematic canon, Romanticism, N. A. Polevoy, poetics, social determination, reflective hero, genre model evolution.*

Cite as: Chernysheva E. G. Artistic Conflict of the Society Tales by N. A. Polevoy in the Aspect of the Genre-Thematic Canon. *Nauka i shkola*. 2025, No. 6, pp. 40–49. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-6-40-49.

В ряду жанрово-тематических разновидностей русской романтической повести одно из главных мест занимает светская повесть.

Обретая многомерное художественное бытие в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского, В. Ф. Одоевского, М. П. Погодина, Н. Ф. Павлова, И. И. Панаева, Е. П. Ростопчиной, Н. А. Дурова, М. С. Жукова, Е. А. Ган и др., светская повесть отразила актуальные художественные тенденции: романтически понятая Личность, ее экзистенциальный и нравственно-философский потенциал и насущное содержание, уровень духовности и культуры современного героя приобрели прочную художественно-эстетическую связь с ценностями, культурными горизонтами, духовно-религиозными устремлениями и общественной психологией сословия (прежде всего – дворянского). В русской романтической прозе 1820-х – начале 1830-х гг. складывается жанрово-тематический канон светских повестей на основе общности тематики, конфликтов, устоявшейся системы персонажей и стиливых клише, речевых формул [1–5].

Типологическое единство, скрепляющее эту жанровую разновидность романтической повести, основывается, прежде всего, на проблемно-тематических сходениях: картины реалий современной жизни, конфликты и противоречия, характерные для дворянского сословия, нередко – для кругов столичной аристократии,

постановка в центр повествования любовно-психологической нарративной интриги, разворачивающейся в художественном контексте порочного света. «Мотив социального неравенства (социальных предрассудков)» составляет «одну из важнейших сюжетных пружин в типовых образцах жанра» [4, с. 9]. Важными типологическими чертами данной разновидности повести является тема светского воспитания/взросления, а также детализация сословного быта. Deskриптивные элементы поэтики светской повести – описание дома и усадьбы, гостиной и будуара, бала, развлечений светской «толпы» и органической среды противостоящих ей героев: живописные выставки, музыкальные вечера, картины природы, дающие новые (в том числе духовные) измерения характеров и пр. Констатирующая идеология – или заданность повествования прямой авторской формулой – еще один инвариант поэтики светской повести, являющейся следствием «жесткой ограниченности возможного уровня постижения мира и человека в ней» [5, с. 296]. В ткани повествования это может проявиться и в традиционном клише, наборе топосов как общих мест, устойчивых речевых формул.

Предпримем попытку определить специфику конфликта как важнейшего элемента поэтики светских повестей Н. А. Полевого начала 1830-х гг. в аспекте жанрово-тематического канона и наметить динамику его трансформации в повестях писателя до начала 1840-х гг.

В кругу анализируемых повестей, прежде всего – «Блаженство безумия» (1833), «Живописец» (1833), «Эмма» (1834). Конфликт исключительной по душевной организации и творческим способностям личности и светского общества, разворачивающийся в мире этих повестей, типичен для жанрового канона.

К чертам своеобразия данной жанровой разновидности в прозе Полевого относится расширение сферы художественного конфликта: писатель воссоздает не только столичную или поместную жизнь дворянства, где априорно, согласно канону, должен быть в оппозиции к пошлому «свету» незаурядный герой, как правило обреченный на гибель. Пространственные и социальные «параметры» конфликта умножаются благодаря подробностям быта, обрисовке типажей из третьего сословия или обедневших дворян. Конфликт «запускается» в экспозиции и завязке в мещанских окраинах небольших городов или на периферии столиц.

Сюжет повестей включает нарративные элементы воспитания, которые в повествовании о судьбе героя (с тем или иным трагическим исходом) играют значимую роль.

Никакие иные, кроме как демократические (сословные, экономические, профессиональные) обстоятельства в детстве формируют героев, наделенных тонкими, особенными способностями и незаурядным душевным миром. Отец Аркадия, героя повести «Живописец», обычный провинциальный казначей, Антиох – сын вовсе не богатого офицера и проклятой богатым отцом дворянки («Блаженство безумия»), Эмма воспитывается в доме отставного почтмейстера бездетным дядей, бывшим учителем («Эмма»). Для Полевого как писателя (и редактора популярнейшего журнала демократической направленности) точное обозначение социального статуса и профессиональная характеристика персонажей были значимой особенностью художественного мира светских повестей и повестей из международной жизни.

Воссоздание мещанской среды, быта и нравов третьего сословия играют двойственную роль в нарастании конфликта. Прежде всего, здесь волей неволей в сознание и душу героя транслируются от старших поколений традиционные патриархальные ценности, это сфера естественных, несущих любовь и гармонию

отношений, не знающих пороков дворянства, как вариант – нравственного обременения аристократической среды. (Руссоистские идеи и демократические представления самого Полевого тех лет воплощаются в ценностном строе художественного мира анализируемых произведений.) В таких канонических, заложенных еще в ценностном мире «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина, обстоятельствах вырастают герои, наделенные лучшими нравственными чертами и возвышенными духовными устремлениями. Однако, с другой стороны, мир довольно ограниченных душевных и интеллектуальных запросов, скромных, в какой-то мере неразвитых людей, чуждых высоким нестандартным потребностям молодых незаурядных личностей. Однако, с другой стороны, это мир довольно ограниченных душевных и интеллектуальных запросов, скромных, в какой-то мере неразвитых людей, чуждых высоким и нестандартным потребностям молодых незаурядных личностей. Этот конфликт был задан в раннем романтическом дискурсе В. К. Ваккенродером («Достопримечательная жизнь композитора Иосифа Берлингера») и, очевидно, нашел отражение у Полевого [6, с. 106].

Зреет едва ли не экзистенциальное противостояние духовности личности, устремленной в пространство высоких мечтаний, божественных идеалов, и профанной реальностью, земными нуждами и тревогами окружения, не способного удовлетворить эти запросы. «Мир романтической жизни» героя «Блаженства безумия» сосуществует с «угнетающей бедностью, слезами матери, бледным лицом доброго отца» [7, с. 97–98]. Аркадий готов служить своим талантом подлинному искусству, однако сталкивается с волей родителя «быть приказным человеком и уметь зарабатывать себе на хлеб» [7, с. 200]. Эмма при описании особого, захватывающего ее чувства замечает: это «походит на состояние человека, которого посадили в клетку и которого невидимая какая-то сила удерживает между небом и землею» [7, с. 289].

Нравственно-психологическая мотивировка конфликта светских повестей Полевого начала 1830-х гг. обеспечивается общим для всех героев томлением по идеалу. Его проявления хорошо известны: искусство, красота и любовь в разных проявлениях, духовность, порыв к надмирному. Устремленность к идеалу видится проявлением трансцендентных интенций героев или даже надличностных сил. В Аркадия «сам господь вложил... охоту к живописи» [7, с. 197]. Эмме внятен нездешний шепот: «Тебя ждут в родной стороне! Ты здесь пришлица!» [7, с. 291].

Повторяющиеся элементы интроспекции (анализ предчувствий, вещей снов) и характерные мотивы (родительская вина, сбывшиеся проклятия и предсказания) обуславливают значимое обращение героев (реплики, монологи, проецирующие важнейшие смыслы личности) к судьбе, року. Иными словами, системным видится традиционный для романтизма «судьбоцентричный» мистический репертуар (идея и символические воплощения Провидения и воли Бога также присутствуют, но их смысловое и количественное соотношение с «судьбой» требует специального анализа).

В ходе нарастания конфликта надмирная, порой – сакральная причина отчуждения сопровождается причинами вполне профанного, земного, более того – социального свойства. Уже отмечалась профанная атмосфера, нравственная и эмоциональная глухота обывательского (в немецком романтизме – филистерского) окружения героев. Из немецкой литературной традиции могли быть заимствованы Полевым и иные факторы духовного становления героев, конфликтующих с окружением (а в пределе – и с самим миром). Это тепличные условия воспитания, которые выстраиваются заботливыми матерями Антиоха и Аркадия. Это существенное

влияние воспитателей-идеалистов и покровителей, заботящихся о духовном творческом начале молодого героя («Блаженство безумия», «Живописец»). Однако такое одностороннее воспитание чревато проблемами в социальной и психологической идентификации с окружающим миром, что хорошо осознается молодыми героями («И твоя (материнская. – Е. Ч.) мечтательная, любящая душа погубила меня <...> Единственный друг нашего семейства, пастор лютеранской церкви <...> был другой губитель мой?» – восклицает Антиох [7, с. 98]. Не менее психологически глубоко отрафлексирована и механика отсроченного личностного надлома под системным попечительством желавшего добра герою мецената («Живописец»): «Системы едва ли не всегда неисполнимы и губительны, если их начертывает <...> воображение наше» [7, с. 120].

В описании конфликта героя с обществом в «Блаженстве безумия» и, как следствие, отчуждения персонажа автор следует литературной традиции: отправляет своего героя учиться в Германию (в Геттингенский университет), которой юноша дает двойственную характеристику: «Германия – парник, где воспитывает человечество самые редкие растения... но она – парник... а не раздольное поле» [7, с. 99]. Амбивалентность оценки релевантна болезненной рефлексии, душевным метаниям Антиоха, в стилевом плане она воплощена в оппозиционных топосах парника – поля.

Художественное воссоздание взросления/воспитания представителей образованной молодежи 1830-х гг. отразится в истории становления характера романтика-идеалиста другого поколения: Владимира Бельтова в реалистическом романе А. И. Герцена «Кто виноват?».

Конфликт обостряется до предела в моменты экзистенциальных поворотов в сознании и судьбе героев светских повестей. Сюжетно-композиционными узлами выступают смерть родителей (или меценатам, возлюбленным), переезд к состоятельным родственникам, соседям или покровителям. Маркирован в этом плане переезд в Петербург и столкновение с чиновничьими порядками, светской конвенциональностью, обывателями или ремесленниками от искусства и пр. Каждый такой поворот, новый этап жизни обостряет разлад героя с миром. Увеличивается доля социальных причин этого противостояния, впрочем, воплощенных в топосах кукольности, золота/денег, толпы/черни и др. Формульные элементы/топосы также отражают конфликт: «доброе, счастливое семейство», «любящее сердце и очи любви», «Дикость глаз», «разрушительная болезнь» «плакивал кровавыми слезами» («Эмма») «волшебное стекло воображения», «грубая жизнь провинциальная», «того хотят от меня судьба и люди» («Живописец»), «безумная чернь», «поприще, достойное высоких порывов души» – вплоть до констатирующей идеологемы, вынесенной в название – «Блаженство безумия». В дискурсе светской повести заложены и оригинальные авторские метафоры, также работающие на конфликт. Так, образ «лотереи в пользу нищих» в иронической реплике доктора получит смысловую инверсию в прозе 1840-х гг. (см. «Лотерейный бал» Д. В. Григоровича). (Формульный репертуар в светских повестях Полевого иногда контрастно расширяется за счет стилизованных клише, пословиц и поговорок представителей крестьянства, например лакеев, в чем сказался опыт Полевого как автора простонародных повестей.)

Обострение конфликта и нарастающая кульминация сюжетного развития приходится в светских повестях на повествование о несчастной любви героев. Восприятие любви как чувства, прокладывающего дорогу к подлинной, божественной сущности бытия, заимствовано из учения Шеллинга и вариативно воплощается в каждой из светских повестей 1830-х гг. Тяготение героинь к ангельскому, сакральному началу свойственно героиням светских повестей Н. А. Полевого в общем кон-

тексте шеллингианского прочтения природы и человека, их связей с целостным запредельным началом бытия [8, с. 12–27]. Для Антиоха любовь становится ответом на мучившую его загадку бытия, восполняет его гармонию и единство, в Адельгейде ему видится половина его собственной души (реминисценция платоновского мифа об андрогинах). Чудотворна любовь Эммы: благодаря ей безумный князь вновь обретает разум. Всепоглощающий и абсолютный накал любовного чувства обладает и разрушительным импульсом. Потеря, исчезновение из жизни возлюбленных – сюжетный инвариант светских повестей, отражающих жанровый канон. Смерть ожидает Адельгейду, выздоровевший князь покидает Эмму, предпочтя выгодную партию, предательством оборачивается отношение Вереньки к Аркадию, эти события воспринимаются героями как экзистенциальная катастрофа: чаще всего обрывается главная нить, соединяющая героев с действительностью. Временная стабилизация конфликта оборачивается тотальным отчуждением героев и их гибелью. Следует заметить: при этом герои, захваченные сердечными переживаниями, видят любовь лишь как некую идеальную платоническую сущность, намерение сочетаться браком с высоким объектом своего чувства нехарактерны для исследуемых персонажей. Показательны в данном контексте слова Антиоха: «— Жениться, – сказал тихо Антиох, водя пальцем по лбу своему, – жениться! Когда она сам я? Какая досада: я совсем не понимаю теперь этого слова! Какое бишь его значение?» [7, с. 125].

В смысловой оппозиции находятся представление о любви и матримониальные намерения антиподов героев. Отец Адельгейды, мистификатор и шарлатан Шреккенфельд, принуждает дочь заманить богатого жениха. Мать князя уверена, что Эмма покушается на статус и стремится к материальному благосостоянию. Отец Вериньки деятельно выбирает для нее «выгодную партию». Как правило, в сюжетных узлах, именуемых «рандеву», матримониальную активность проявляют персонажи, противостоящие положительному герою. По-своему типичные представители светской «толпы», одержимые представлениями о сословной части, личном обогащении и социальном престиже, «подводят» героев к гибели. Социально-психологическая разработка проблемы ответственности за собственную судьбу остается неглубокой; несмотря на рефлексию героев, эта ответственность зачастую с них снимается: воля судьбы и высших сил конкурирует со свободой воли или подменяет ее. (Существует и интерпретация этой коллизии в «Блаженстве безумия» как версия «взаимного искушения» героев [9, с. 26–31].)

Проработка социальных обстоятельств в «светских» повестях сводится в основном к мотивировке романтического отчуждения. Социальная среда в ее разных типических проявлениях не стала в повестях Полевого художественной новацией. Вместе с тем обрисовка и претворение в психологии героев общественных причин того или иного их поведения, даже в рамках романтического конфликта, можно считать очевидным движением (по сравнению с повестями Н. А. Полевого конца 1820-х гг. «Мешок с золотом» и «Сохатый») в эволюции творчества писателя.

Указанные тенденции все громче заявляли о себе. Очевидны попытки социальной детерминированности изменения характера героя «Живописца», поиска временных компромиссов в его судьбе, когда, стремясь отвечать на требования петербургского света, ожидания отца Вериньки, Аркадий становится копиистом, тиражирует пошлые портреты. Но в соответствии с жанровым каноном герой вновь жаждет высокой миссии своего творчества. Заметим, что в произведениях «натуральной школы» подчинение новоявленного петербуржца губительному влиянию обстоятельств, слом характера отражали формирование нового

повествовательного канона («Обыкновенная история» А. И. Гончарова, «Хорошее место» Я. П. Буткова, «Тарантас» В. А. Соллогуба). Аркадий же «идет до конца – не может не идти в силу своей гениальности – и гибнет [10, с. 239–241]. И все же очевидные компромиссы нарастают в прорисовке характеров героев Полевого, например, в повести «Эмма», появившейся спустя год после двух первых светских повестей, и особенно – в повести «Дурочка» (1839). Правда, конформизм проявляется не в образах главных героинь.

Таков поначалу психически нездоровый князь С^{xxx} забывающий о высоком чувстве под влиянием меркантильных интересов. Ю. В. Манн писал, что в «Эмме» социальный мотив, появившись в разговоре доктора с княгиней о предрассудках знатности, бесследно исчезает, так как не социальные, а психологические причины (противоречия) движут действие: «молодой князь не любил Эмму» [11, с. 263]. Однако отношения героини и князя вписаны как раз в законы общественной этики и психологии. Поведение князя, который под влиянием Эммы выздоравливает и выходит из безумного, «детского» состояния, все более подчиняется общепринятым социальным представлениям; убедительна социально-психологическая мотивировка того, что князь отдает предпочтение женщине высшего света, которую прежде любил. Эмма осознает пропасть между их социальными положениями и понимает причины возвращения «нормального», выздоровевшего князя в свой круг и отказа от нее. Ее анализ собственного тяжелого положения передан через детализированные описания нарядов, конвенционального языка светского общества и др. (Здесь видится зеркальная симметрия, «перевернутое» сходство социально-психологических коллизий «Эммы» и романа Ф. М. Достоевского «Идиот».) Схожая социальная коллизия будет определять драматизм любовных отношений героев последней светской повести Полевого «Дурочка», написанной в 1839 г.

В ту же повесть переключают из «Блаженства безумия» и «Эммы» канонический мотив безумия. Заметим, что мотивно-образные переклички с этими повестями Полевого (кстати, поименованными в гендерном ключе как «женские») возникают и с повестью Ф. М. Достоевского «Хозяйка» (1847). Мотив сумасшествия как избавления от губящего душу меркантилизма, безумной любви как спасения для чистых отношений в обстоятельствах социального неравенства, характерный для повестей Полевого, найдет самостоятельную художественную версию в повестях В. Ф. Одоевского «Сильфида» и «Саламандра».

Тема ненормальности и болезни «нормального» мира будет серьезно преобразована в повести А. И. Герцена «Доктор Крупов», где смысловое расширение охватит не только проблему личного безумия, но и безумия всего человеческого сообщества.

И психологическая, и социальная составляющие конфликта укрепляются от повести к повести. Так, в «Эмме» автор вписывает в круг участников конфликта дворовых холопов в девичьей (это особым образом организованный драматизированный фрагмент повествования). Лакеи чувствуют, что Эмма не соответствует привычному для них «нормальному» образу жизни дворянского окружения и активно осуждают ее за это.

Трагическая развязка и разрешение конфликта в повестях обусловлена еще и причиной более широкого социального и экзистенциального плана: способности и устремления лучших героев светских повестей оказываются невостребованными в современной действительности. Так, по словам Антиоха, не находится «поприща, достойного высоких порывов души» [7, с. 97]. В «Живописце» автор создает драматизированную сцену на выставке работ Аркадия; перед читателем развора-

чивается протокольная, фотографическая (едва ли не «дагерротипная», как называется такое описание в 1840-х гг.) проекция «просвещенного» общества в его отношении к подлинному искусству: словно персонажи светской хроники (генерал, меценат, щеголь, барин, старик со звездой, его сиятельство и пр.) игнорируют картины талантливого художника. Сама выставка для этих «ценителей» – возможность потешить сословные амбиции и продемонстрировать меркантильные жизненные достижения. Диалог на выставке видится предвосхищением гоголевского «Театрального разъезда».

Особенностью светских повестей Полевого и некоторым отступлением от жанрово-тематического канона является высокий уровень самосознания героев, предопределяющий остроту и психологическую достоверность конфликта. Антиох, Аркадий, Эмма по своей природе интроверты, погруженные в свой внутренний мир, они испытывают трудности коммуникации, нередко ошибаются в людях, но до глубины анализируют свой внутренний мир, наполнены экзистенциальной трагической рефлексией о своем месте в мире, о жизни и смерти.

Рефлектирующий тип сознания героев воплощен в традиционной романтической исповеди. Точка зрения героя, проявляющаяся в исповеди (монологе, письмах, записках, дневниках), в диалогах повести, организует в композиционном повествовательном плане первую, «субъективную» повествовательную линию. Но исповедью не исчерпывается глубинная самооценка героев. Так, в «Живописце» изменение внутреннего мира Аркадия находит отражение в созданных им картинах [12, с. 293–294; 13, с. 299]. Во внутренней рефлексии и высказываниях Аркадия, отражающих социально-психологические конфликты художника и толпы, сказалось влияние на Н. А. Полевого поэмы И. В. Гете «Торквато Тассо» [14].

Еще один важнейший повествовательный план – точка зрения «объективного» повествователя, воплощенная в образе рассказчика, – несет различные идейно-художественные функции (от оценки происходящего до предостережения и обобщения). Повествовательная линия, связанная с образом рассказчика и характерная для «Живописца» и «Блаженства безумия», в повести «Эмма» исчезает; функции рассказчика отчасти передаются персонажу, наделенному пронизательностью и универсальной точкой зрения, – образу доктора. Это свидетельствует о редукции жанровой черты романтической повести, воплощающей специфику романтического конфликта: параллелизм судьбы героя и судьбы рассказчика/повествователя. Однако этот уровень поэтики «светских повестей» Полевого требует самостоятельного анализа. В светской повести Полевого 1839 г. «Дурочка» очевидна более выраженная эволюция от канонов романтических светских повестей в сторону поэтики социально-психологической повести 1840–1850-х гг., представленной в творчестве А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и других отечественных прозаиков.

Переходные историко-литературные эпохи порождали новые явления и номинации в области жанра, стиля, направления [15, с. 2]. Обновление жанровых моделей, связанных с повествовательными тенденциями рубежа 1830–1840-х гг., предполагает привлечение широкого художественного материала и междисциплинарных подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иезуитова Р. В.* Светская повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. С. 169–199.
2. *Грихин В. А.* Русская романтическая повесть первой трети XIX века // Русская романтическая повесть (первая треть XIX века). М., 1983. С. 3–39.

3. Коровин В. И. Среди беспощадного света // Русская светская повесть первой половины XIX века. М.: Советская Россия, 1990. С. 5–14.
4. Городецкая А. Г. «Счастливая ошибка» И. А. Гончарова в жанровом контексте светской повести // *Art Logos*. 2020. № 4 (13). С. 6–20.
5. Чернов А. В. Светская повесть 30-х годов XIX века и становление отечественной беллетристики // Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. С. 294–296.
6. Чернышева Е. Г. В.-Г. Ваккенродер и Н. А. Полевой (Из истории русско-немецких литературных связей эпохи романтизма) // Синтез культурных традиций в художественном произведении: межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород: НГПУ, 1994. С. 106–110.
7. Полевой Н. А. Мечты и жизнь. СПб., 1986.
8. Ильченко Н. М., Чернышева Е. Г. «Видимое есть символ»: Природа как одухотворенное начало в изображении русских и немецких романтиков // *Litera*. 2023. № 12. С. 12–27.
9. Шрага Е. А. Сборник Н. Полевого «Мечты и жизнь» и традиция диалогической циклизации // Вестн. С.-Петербургского ун-та. 2008. Вып. 3, Ч. 1. С. 26–31.
10. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995.
11. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.
12. Данилевский Р. Ю. Заметки о темах западноевропейской живописи в русской литературе // Русская литература и зарубежное искусство. Л.: Наука, 1986. С. 68–298.
13. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина (Пути эволюции). Л.: Наука, 1987. 333 с.
14. Чернышева Е. Г. «Торквато Тассо» И. В. Гёте как один из источников русской романтической версии образа творческой личности в повести Н. А. Полевого «Живописец» // Просветитель и романтик. Памяти профессора Московского университета А. А. Смирнова (1941–2014) / сост. и отв. ред. А. В. Лебедев. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 96–104.
15. Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 2008.

REFERENCES

1. Iezuitova R. V. Svetskaya povest. In: Russkaya povest XIX veka: Istoriya i problematika zhanra. Leningrad: Nauka, 1973. Pp. 169–199.
2. Grikhin V. A. Russkaya romanticheskaya povest pervoy trety XIX veka. In: Russkaya romanticheskaya povest (pervaya tret XIX veka). Moscow, 1983. Pp. 3–39.
3. Korovin V. I. Sredi besposhchadnogo sveta. In: Russkaya svetskaya povest pervoy poloviny XIX veka. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1990. Pp. 5–14.
4. Gorodetskaya A. G. “Schastlivaya oshibka” I. A. Goncharova v zhanrovom kontekste svetskoy povesti. *Art Logos*. 2020, No. 4 (13), pp. 6–20.
5. Chernov A. V. Svetskaya povest 30-kh godov XIX veka i stanovlenie otechestvennoy belletristiki. In: Dergachevskie chteniya – 98. Russkaya literatura: natsionalnoe razvitiye i regionalnye osobennosti. *Proceedings of International scientific conference, Yekaterinburg, 14–16 Oct. 1998*. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta, 1998. Pp. 294–296.
6. Chernysheva E. G. V.-G. Vakkenroder i N. A. Polevoy (Iz istorii russko-nemetskiikh literaturnykh svyazey epokhi romantizma). In: Sintez kulturnykh traditsiy v khudozhestvennom proizvedenii. *Interuniversity collection of scientific papers*. Nizhny Novgorod: NGPU, 1994. Pp. 106–110.
7. Polevoy N. A. *Mechty i zhizn*. St. Petersburg, 1986.
8. Ilchenko N. M., Chernysheva E. G. “Vidimoe est simvol”: Priroda kak odukhotvorennoe nachalo v izobrazhenii russkiikh i nemetskiikh romantikov. *Litera*. 2023, No. 12, pp. 12–27.
9. Shraga E. A. Sbornik N. Polevogo “Mechty i zhizn” i traditsiya dialogicheskoy tsiklizatsii. *Vestn. S.-Peterburgskogo un-ta*. 2008, Iss. 3, Part 1, pp. 26–31.

10. Mann Yu. V. *Dinamika russkogo romantizma*. Moscow: Aspekt Press, 1995.
11. Mann Yu. V. *Poetika russkogo romantizma*. Moscow: Nauka, 1976. 375 p.
12. Danilevskiy R. Yu. Zametki o temakh zapadnoevropeyskoy zhivopisi v russkoy literature. In: *Russkaya literatura i zarubezhnoe iskusstvo*. Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 68–298.
13. Petrunina N. N. *Proza Pushkina (Puti evolyutsii)*. Leningrad: Nauka, 1987. 333 p.
14. Chernysheva E. G. “Torkvato Tasso” J. W. Goethe kak odin iz istochnikov russkoy romanticheskoy versii obraza tvorcheskoy lichnosti v povesti N. A. Polevogo “Zhivopisets”. In: *Prosvetitel i romantik. Pamyati professora Moskovskogo universiteta A. A. Smirnova (1941–2014)*. Ed. by A. V. Lebedev. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. Pp. 96–104.
15. Polonskiy V. V. *Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX veka*. Moscow: Nauka, 2008.

Чернышева Елена Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: el.chernysheva@yandex.ru

Chernysheva Elena G., ScD in Philology, Professor, Russian Classic Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: el.chernysheva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2025

The article was received on 02.12.2025